

Горькая закуска на день рождения

В каждый день рождения мать по крупицам рассказывала мне, как я родилась. Из года в год она добавляла подробности, и даже когда я уверяла, что ей необязательно звонить ровно в тот момент, когда я издала первый крик, можно было не сомневаться, что 28 января в 00:14 я буду говорить с мамой по телефону. И этот год не стал исключением.

— Фабьена. Мы так долго ждали тебя. Мы с отцом знали, что из тебя выйдет прекрасный человек. Достойная личность.

— Мама...

— Фабьена, дай мне сказать. Я знаю, тебе не нравится мое увлечение эзотерикой, но такова уж моя природа.

— Сейчас четверть первого. Я жаворонок. Это тоже моя природа. Я устала.

— Ну конечно, ты устала, дорогая. А представь, как я устала тридцать лет назад, в это же время!

— Окей, продолжай, я слушаю.

— Мы сидели в гостиной и думали, как тебя назвать. Шли часы, но никакого озарения, ни одно имя не нравилось нам больше других. Тогда я попросила твоего отца написать на листочке какие-нибудь определения и сама сделала то же самое. Ты его знаешь, он всегда был рад игре! А потом выбрали друг у друга одно качество наугад.

— Тридцать лет назад не было словарей имен?

— Дай мне договорить! Отец выбрал «несравненную», а я — «фантастическую».

— Несравненную? Ты серьезно?

— Если честно, отец не обрадовался, но послушай, что было дальше! Я взяла оба листочка и долго смотрела на них. Вертела в уме слова. И вдруг они соединились. «Фантастическая» и «несравненНая» — получается «Фабьена»!

Мать ликовала, а я не могла вымолвить ни слова.

— Фабьена, ты понимаешь? Я приберегла этот сюрприз на твои тридцать лет. Тебе понравилось? Ты Фантастическая и Несравненная. Ты всегда была не как все, но в хорошем смысле! Только вот почему ты бросила Фридриха, я не понимаю.

— Пока, мама. Спасибо за новые подробности.

— С тобой что-то не так, по голосу слышно. Только не говори, что ты в депрессии. У женщин в твоём

возрасте есть дети, и работают они полную неделю. Многим не хватает денег до конца месяца. Понимаешь, насколько тебе повезло, что ты получила наследство?

— Как же мне в голову не приходило? Может, отправить благодарственную открытку водителю, который сбил папу насмерть?

— Перестань... Я только прошу тебя, будь благодарна за то, что имеешь. Ты много знаешь людей, у которых есть целых два дома?

— Мама, я всего-навсего построила мастерскую за домом. Ты же знаешь, это мое рабочее место.

— Мастерская-дом, да. Не тебе бы впадать в депрессию, вот и все, что я хочу сказать. У тебя нет на это никаких причин.

— Спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи, Фантастическая и Несравненная.

Вдох, выдох

— Фабьена Дюбуа, кабинет 23.

Часы в коридоре показывали 14:14. У моих старых сапог ободрались носы. Почти как мое сердце. Я сидела, ждала и смотрела вокруг. Может, поменять имя?

— Фабьена Дюбуа, кабинет 23.

Голос звучал нетерпеливо. Я медленно поднялась и отправилась на поиски 23-го кабинета, чтобы познакомиться с новым семейным врачом. Что мне в таких местах нравится, так это голые стены — никаких картинок из жизни, никаких счастливых лиц, напоминающих о том, что мы несчастны. Я думала о нашем разговоре с матерью и все больше укреплялась в мысли, что она права. У меня есть все для счастья. И тем не менее мой мир рушится.

Стоило мне войти в кабинет, как мой шарф превратился в голодного удава, готового задушить меня, а сердце заколотилось. Очень быстро.

— Мадам Дюбуа? Садитесь, прошу вас.

— Простите, я должна выйти, мне плохо.

Голова кружилась, меня бросило в холодный пот и затошнило.

— Я умираю!

— Умираете? Нет, вы не умираете. Сядьте, снимите пальто и шарф. Закройте глаза и глубоко дышите.

Не знаю почему, но я ему поверила и послушалась. Я не могла умереть — только не сегодня, не в день рождения. Я закрыла глаза и представила, что я на озере. Я сидела на длинной набережной и смотрела, как на воде танцуют птицы. Я слышала, как вдыхаю и выдыхаю. Спустя несколько минут я вздрогнула, услышав голос врача.

— Вам лучше?

— Немного, да.

— Хорошо. Похоже на паническую атаку. С вами так часто бывает?

Я попыталась улыбнуться, но тут же разрыдалась.

— Да, я каждый день вот так умираю...

Переписка

В почтовом ящике меня ждал маленький желтый конверт. Я села на заснеженное крыльцо, чтобы вытащить и прочитать записку.

Фабьена,

Тебе тридцать!

*С днем рождения! Здесь жаркое и тяжелое
оранжевое солнце. Как будто на небе висит
огромный фрукт. Я не скучаю по вашей зиме,
но с удовольствием бы съела сейчас кусок
праздничного торта и размазала тебе крем по лицу.
Никогда не могла удержаться, ты же знаешь!
Я вернусь весной. Не терпится уже!*

*Ты чувствуешь себя бодрее, чем в прошлом месяце?
Расскажи мне о своих новых картинах.
Привет твоему красавцу Фридриху,*

Анна

Я аккуратно положила записку в конверт и прижала к груди. Моя лучшая подруга Анна всегда помнила о моей любви к бумажным письмам, посылкам и открыткам. И хотя ее жизнь была гораздо насыщеннее моей — она ужинала на одном континенте, а просыпалась на другом — она всегда улучала момент, чтобы отправить мне пару писем каждый месяц. Я смотрела на падающий снег и гладила бродячего кота, которого уже несколько месяцев подкармливала. Он был чем-то похож на меня — такой же потерянный.

Пока я отпирала дверь, зазвонил телефон.

— Алло?

— С праздником!

— Спасибо.

— Видишь, я не забыл тебя. Я никогда тебя не забуду.

— Спасибо...

— Пока.

— Пока...

Мне хотелось постоять в тишине, чтобы мы послушали молчание друг друга, но просить об этом было бы странно. Я аккуратно положила трубку, словно раненого птенца.

Анна,

Твоя открытка пришла вовремя. Если хочешь, я подожду, не буду есть без тебя торт, а когда ты приедешь, устроим кремовую битву. Мне необходимо посмеяться.

Помнишь, я рассказывала тебе о рыжем коте? Я стала его подкармливать. Не знаю, как у него это выходит, но не удивлюсь, если однажды обнаружу у него на лапке часы: он приходит утром и вечером всегда в одно и то же время. Ты сможешь мне придумать ему имя? У меня сейчас плоховато с воображением. Я пишу тебе, а на улице тихо падают снежинки, и мне хотелось бы быть столь же легкой, как они. Наверное, скоро так оно и будет, я потеряла несколько килограммов, есть большие совсем не хочется.

Ходила сегодня к врачу. Плакала, рыдала, задыхалась, а потом начала извиняться, что использовала все его носовые платки. Бедняга узнал всю мою подноготную за первые же несколько минут. Диагноз все еще звенит у меня в ушах: большое депрессивное расстройство. У меня? Так хотелось показать этому диагнозу большой фак!

Я сложила в углу мастерской полотна и кисточки, отменила вернисаж в Нью-Йорке. Этьен еще не знает. Честно говоря, я побаиваюсь его реакции.

Я рассталась с Фридрихом, хоть он и был против. Он только что звонил, поздравлял. Мы любим друг друга, но я не такая, как он думает. Не терпится тебя увидеть.

Фабьена

Вечером мне совсем не хотелось спать, хотя тело и голова налились свинцом. Сидя на подоконнике, я смотрела на вибрирующий мобильник. Меня всё поздравляли и поздравляли, а мне в день моего тридцатилетия хотелось сидеть одной в темноте.

Я пыталась понять, как же так получилось. Я много работала последние пять лет: писала и продавала картины, но никогда не уставала, это было моей страстью. Скорее дело в чувстве пустоты, которое постепенно занимало во мне все больше места, а я и внимания не обратила.

Мне часто напоминали о том, как мне повезло быть материально обеспеченной. Я же не видела связи между достатком и душевным покоем. Мне было плохо без всяких объективных причин, и с тех пор, как это началось, мне просто хотелось исчезнуть.

В шесть утра я внезапно подскочила: болела шея, потому что я заснула сидя, а еще мне казалось, что за мной наблюдают. Снаружи на подоконнике сидел мой красавец кот. Не знаю, давно ли он так наблюдал за мной, но он совсем не шевелился.

Я встала и отправилась искать ему завтрак. Если бы я закричала в холодильник, наверняка услышала бы эхо. Внутри все было совсем грустно: из того, что там завалялось, не сотворил бы чуда и самый опытный повар. Я натянула сапоги и вышла на улицу в пижаме.

— Ну что, приятель, как всегда вовремя? Мне почти нечего тебе дать: два ломтика ветчины и теплое молоко,

буквально на доньшке. Думаю, назову тебя Петрушкой. Просто это напоминает о лете.

Бедняга страшно проголодался, на улице был сильный мороз. Пронизывающий холод хорош тем, что замораживает даже желание плакать. Чертово желание плакать.

Посмотрев на окружающий меня бардак, вчерашний дрянной кофе и хлебницу с двумя засохшими кусками хлеба, я схватила пальто и ключи. Я не знала, куда отправляюсь, но решила уйти.

Звонок издалека

Был сильный гололед, и всякий раз, как я тормозила, машина превращалась в конькобежца, скользящего до полной остановки. Я всегда боялась водить, особенно зимой, из-за аварии, в которой погиб отец. На улицах не было ни души. Только собачники отважились выйти ранним субботним утром в такой лютый мороз. Несколько минут я ехала сама не зная куда, пока голодный желудок не начал рулить за меня. Припарковавшись у «Café du Mont», я глубоко вздохнула. Его хозяйка Джулия встретила меня так, будто мы сто лет не виделись.

— Фабьена! А я, было, начала беспокоиться! Фридрих уже несколько недель приходит один. У тебя работы полно, милая? Вон он там сидит, в глубине. Не знаю, почему он всегда выбирает дальний столик: народу-то в это время нет! Сейчас принесу два кофе.

Я не сразу поняла, о чем речь. А когда осознала, не смогла сделать ни шагу. Так и стояла между столами:

шапка набекрень, растрепанные волосы и распахнутое пальто, не скрывающее, что я еще в пижаме. Стыд кусал сильнее мороза и собирался пожрать меня полностью.

Фридрих явно думал о том же. Как же он был красив — блондин с прямым, как школьная линейка, носом! Мне всегда казалось, что длинный нос — гарантия успеха, как будто он выполняет роль штурвала на лице. На собственный крошечный нос фасолинкой я рассчитывать отказывалась: такой направления не задаст.

Я медленно подошла к его столику.

— Привет...

Теперь стыд меня уже переваривал, так что я, вероятно, стала прозрачной: Фридрих продолжал читать в газете раздел некрологов — нашу общую любимую рубрику.

Я прокашлялась, чтобы говорить чуть громче, и показала пальцем на газету:

— Ну что, как они поживают? Полный порядок?

Я пыталась шутить, но ничего не получалось. Я села за столик напротив него. Унизительно, что он не замечал меня. Джулия, наблюдавшая всю эту сцену, положила перед нами меню — так, будто это гранаты, готовые взорваться в любую минуту.

Ситуация напоминала сцену из фильма: за горами вставало солнце, я сидела в ресторане одетая в пижаму, напротив любимого человека, которого только что бросила. Спустя несколько минут Фред наконец-то снизошел до того, чтобы взглянуть на меня. Он выглядел как

диктор на телевидении, собирающийся рассказать плохие новости.

— Мне звонила Анна.

— Из Аргентины?

— Из Парижа, из Мексики, из Сан-Паулу — разве это что-то меняет? Мы волнуемся за тебя!

Мне хотелось изобразить смех, сказать, что мне бывает трудно в это время года, нет вдохновения. Что ради этого не стоило звонить издалека. Мне хотелось успокоить его, но сил притворяться не было.

На салфетку капнули слезы. Логотип ресторана стало трудно разобрать.

— Я здесь с шести утра. Уже месяц прихожу каждую субботу. Подумал: когда у тебя в холодильнике вообще ничего не будет, я наконец тебя увижу.

— Я не понимаю... Как Анна могла позвонить тебе из-за этого? Она же не читала моего последнего письма, я отправила его вчера.

— Видимо, она достаточно хорошо тебя знает и поняла, что с тобой что-то не так.

Я смотрела на Джулию, которая теперь работала стрелочником, провожая клиентов ресторана от входа к самым отдаленным от нас столикам. Она выразительно подмигнула: ей хотелось помочь нам поговорить наедине.

— Я вчера ходила к врачу. У меня депрессия.

— Не стану делать вид, что удивлен: я давно догадывался. Одного только не понимаю: почему ты меня

прогнала? «Подожду, пока станет лучше, а там посмотрим»? Я тебе нравлюсь, только когда все хорошо?

Ну разве это так сложно было понять? Во мне не осталось ничего привлекательного, ничего, что могло бы его возбудить. Я представляла, как он тратит все свои силы ради того, чтобы вернулись мои, и чувствовала себя виноватой. Я больше не знала, кто я, чего хочу, как дожить до конца дня. Разве я могла быть ему хорошей парой в таком состоянии?

— Ты заслуживаешь большего.

Фред нахмурился:

— Ты права.

Он встал, чмокнул меня в лоб и ушел.

Луиза Лебон, чемпионка по экстремальному сплаву

Умиротворенность этого места пленила меня еще в прихожей. Запахи дерева и смолы напоминали о лесе, в котором мы гуляли с Фридрихом.

Кабинет психолога, которого мне посоветовали, находился в старинном здании, и мне это понравилось. Приемная была скромной; на этажерке, заставленной комнатными растениями, стояло маленькое радио, и, пока я ждала свою очередь, тихо играла моя любимая песня. Это был знак. Какой? Я не знала, но мне нужно было найти хоть что-то положительное в этом утре.

Я любила приходить заранее, чтобы немного освоиться в незнакомом месте. Шкаф здесь ломился от книг. Я встала, закрыла глаза и провела пальцем по корешкам, пока не остановилась на одном. Сняла книгу с полки и прочла название: «Кто вы?».

— Фабьена?

Я вздрогнула. Луиза Лебон была готова меня принять. Я поднялась за ней по лестнице, от наших шагов громко скрипели ступени. Ее кабинет был совсем не такой, как я представляла в ожидании встречи: светлый и уютный, полная противоположность моему настроению.

— Здравствуйте, меня зовут Луиза. Если вдруг вам станет нехорошо, если вы почувствуете недомогание, сразу дайте мне знать. Наши встречи не должны быть пыткой, и я надеюсь, что смогу помочь вам почувствовать себя лучше. Видите, у меня всегда есть горячий чайник, много травяного чая на выбор и кружка для вас.

Луиза была высокой блондинкой лет пятидесяти, с настолько пронизательным взглядом, что ей не требовалось много знать о вас, чтобы сразу все понять. Волосы были прихвачены золотистой заколкой, туника в цветочек танцевала вокруг нее при малейшем движении. Казалось, она была одета в свой лучший майский наряд. На ее фоне я выглядела еще более запущенной.

Я впервые пришла к психологу и не знала, что делать. Тратить ее время зря не хотелось, я ведь сама решила записаться к ней. Я надеялась, что у нее получится помочь мне превратить слезы в слова, а потом — в воспоминания.

— Я наткнулась на книгу в вашей библиотеке — «Кто вы?»... Я не знаю... Я больше не понимаю, кто я...

Меня душили слезы. Я пробыла у нее только несколько секунд и уже не знала, что сказать. Жестом я показала, что мне нужно время, чтобы взять себя в руки.

— Не спешите, Фабьена, у нас целый час впереди. Не торопите себя. Если в первую встречу вам говорить трудно, будем просто смотреть в окно. Снег так сияет, что с каждым годом я все больше люблю зиму. Я потому и выбрала для работы именно эту комнату: солнце входит сюда без стука, и мне нравится вслушиваться в шорохи дома в тишине. Не смущайтесь: молчание тоже может быть благотворной частью пути. Я буду сопровождать вас.

Она была идеальна. Мне хотелось попросить ее быть со мной днем и ночью. Не успела я провести в ее кабинете и нескольких минут, как она уже бросилась в самое сердце закрутившего меня водоворота. Луиза была чемпионкой по экстремальному сплаву по бурным рекам жизни своих пациентов. Луиза, а защитный шлем у вас есть? Некоторые участки течения особенно опасны.

— Я больше ничего не хочу.

Она взглянула на меня с грустью.

— А чего вы хотели раньше?

Всего! Я хищно пожирала жизнь, я любила гулять в горах, часами кататься на велосипеде. Я любила принимать гостей, обниматься, готовить, вязать. Я любила баловать любимых. Мне нравилась моя жизнь.

— Жить.

— Вы планируете с этим покончить?

Да уж, Луиза была прямолинейной. Конечно, этот вопрос смутил меня, но я понимала, что его следовало задать. Планировала ли я? Что изменилось бы, если бы я ответила «да»? План — ведь его нужно строить, перестраивать. План и сам может менять планы. Скажи я вам «да», вы ведь отправите меня куда-нибудь, Луиза? Что там со мной будут делать?

— Нет, нет у меня плана. Меня посещала эта мысль. Но я не думаю, что смогла бы пойти до конца. Я хочу жить как раньше. Вот и все. Наверное, я смешная и жалкая, да?..

Я смеялась и плакала одновременно. Тушь превращала слезы в серые капли, которые я пыталась смахнуть. Я знала, что Луиза Лебон уже переживала когда-то то, о чем я рассказывала. Я видела это по ее глазам.

— Нет, вы не смешны и не жалки. И если вам кажется, что вы обуза, знайте, что это не так. Депрессия — это болезнь, которая лечится большой нежностью к себе. Есть ли у вас поддержка?

Я кивнула, а надо было ответить, что, наоборот, я почти ото всех отстранилась, чтобы быть одной.

— Отлично. Не беспокойтесь, со временем к вам вернется удовольствие от того, что вы любили делать раньше. Пока что, даже если это кажется наилучшим решением, не прячьтесь, не отдаляйтесь от других. Те, у кого никогда не было депрессии, скорее всего вас не поймут, но, если попытаются помочь, принимайте помощь. Депрессия любит оставлять вокруг нас

выжженную пустыню. Я рада, что сейчас вы здесь, вы совершили важный шаг, придя сюда сегодня.

Ее слова находили во мне отклик. Мне становилось лучше, когда я слушала, как говорит Луиза. После сеанса я с удивлением обнаружила, что считаю дни до следующей встречи.

Я видела ворону, зайца и свет

Мне везет, я живу у подножья горы. По совету психолога я уже 30 минут гуляла по лесу, глубоко дышала и слушала, как птицы смеются над зимой. Мне тоже хотелось показать язык этому времени года.

Я любила неподвижно стоять и слушать пение птиц, пытаясь угадать, кто же сейчас щебечет. А если мне удавалось разглядеть певца, я доставала блокнотик и записывала его приметы. Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда закаркала ворона. Я дернулась от неожиданности. Мне не хотелось отвечать, но эхо звонка распугало белок, и этого было достаточно, чтобы я почувствовала себя виноватой.

— Алло?

— Это я. Ты была права. Я заслуживаю того, чтобы ты лучше себя чувствовала. Позволь мне заботиться о тебе. Я сходил за покупками и готовлю ужин. Жду тебя дома.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru